

— Да, он подвергался насилию и изнасилованию. Эти переживания оставили глубокий след на пациенте. Если он сможет забыть их, это, возможно, будет для него благом. Если же однажды он вспомнит, потребуется более длительное лечение.

Чжан Хэ, конечно, согласился с мнением врача, но у него возник вопрос:

— Если это психогенная амнезия, то он забывает все события целиком или выборочно?

— Судя по вашему описанию, скорее всего, всё. Его окружение в прошлом тоже могло повлиять. Когда он поступил в больницу, я уже говорил вам, что у него была слабая воля к жизни. Даже если бы его удалось спасти, не факт, что он бы очнулся. Теперь он проснулся, и, вероятно, всё забыл.

Это было странно. Его прошлое было пустым, так почему же он так заиклен на Группе Наньсин? Только из-за сна?

Чжан Хэ вернулся с ужином, состоящим из белой рисовой каши и овощей, которые Чжао Сяньянь терпеть не мог. Безвкусная еда, от которой можно сойти с ума.

— Не хмурься. Сейчас ты не можешь есть ничего другого. Когда поправишься, тогда и поговорим.

Чжао Сяньянь с неохотой съел несколько ложек. Еда согрела его желудок, но также напомнила, что всё уже решено. Он молча доел, не задавая больше вопросов, его настроение упало до предела.

Поскольку это был первый день после пробуждения, Чжан Хэ решил остаться на ночь. Чжао Сяньянь был не в восторге:

— Моя мама ведь должна была прийти. Где она?

Чжан Хэ, расстилая постель, ответил:

— Ей нужно задержаться на работе, её не отпускают. Я сказал ей, что останусь с тобой.

Теперь он был беспомощным пациентом, вынужденным подчиняться.

Возможно, тело слишком долго находилось в состоянии сна, потому что в первую же ночь после пробуждения Чжао Сяньянь страдал бессонницей.

Два часа ночи.

— Эй... Проснись.

Человек рядом спал чутко и сразу же проснулся:

— Что?

— Подай мне то... судно.

Чжао Сяньянь злился на Чжан Хэ за то, что тот назвал их отношения любовными. Если бы не его прямота, он бы не довёл себя до такого состояния, что даже сходить в туалет стало проблемой.

Чжан Хэ не проявлял никаких эмоций, зевая, он сунул судно под одеяло и начал стягивать с него штаны.

— Ты что делаешь! — Чжао Сяньянь прикрыл промежность рукой, уже едва сдерживаясь.

— Ладно, делай сам, — Чжан Хэ сел на край кровати и стал ждать.

Чжао Сяньянь не мог напрячь ноги и сам справиться с этим не мог. Помучившись, он понял, что Чжан Хэ сделал это специально.

— Помоги мне.

Самое унижительное место в мире — это точно больница, подумал Чжао Сяньянь.

— Не стесняешься больше? — Чжан Хэ тихо усмехнулся, подошёл и стянул с него штаны, намеренно не глядя вниз.

Чжао Сяньянь, наконец, смог облегчиться, одновременно осмотрев себя. Размер его «достоинства» был средним, розоватым и невзрачным, совсем не таким, как у него в прошлом. Эх, как же это досадно, есть ли ещё шанс, что оно подрастёт?

Возможно, эта ситуация помогла ему расслабиться, потому что вскоре он заснул.

*

За границей, на одном из островов.

— Сегодня мадам снова молчала.

В глазах Чжао Шэна мелькнула тень боли, но он быстро пришёл в себя:

— Понял.

— Насчёт внутренних дел...

— Пусть собирают, чтобы мне не приходилось разбираться с каждым по отдельности.

— Понял. Цао И сказал, что ждёт вашего сигнала, он готов действовать в любой момент.

Чжао Шэн больше ничего не сказал, и посетитель понял, что пора уходить, оставив его одного, словно статую, стоящую в лучах света уже сотни лет, позволяя бесчисленным страданиям разъедать его, но не имея права упасть.

Чжао Сяньянь проснулся рано утром, когда Чжан Хэ ещё спал. Ему стало скучно, и он повернулся, чтобы посмотреть на него.

Чжан Хэ был симпатичным, хотя и не мог сравниться с его братом. Его черты лица были мягче, что делало его более дружелюбным, в отличие от брата, чьи брови и глаза придавали ему строгий и холодный вид. Однако Чжан Хэ, конечно, не был таким безобидным, каким казался. Чжао Сяньянь сейчас относился к нему только с осторожностью и использовал его, не испытывая никаких угрызений совести из-за одностороннего прекращения их «отношений».

— На что смотришь? — Чжан Хэ открыл глаза, будто давно проснулся.

Чжао Сянъянь не смутился, лишь с сожалением покачал головой:

— Скажи, ты же симпатичный парень, почему бы тебе не жениться и не завести детей, вместо того чтобы быть геем?

Он хотел намекнуть Чжан Хэ, что между ними ничего не будет, и не стоит надеяться. Но Чжан Хэ, казалось, совсем не обратил на это внимания, сел, взял часы с тумбочки и, надевая их, сказал:

— Это первый раз, когда ты назвал меня симпатичным. Похоже, у нас ещё есть шанс вернуться к прежним отношениям.

Что значит «поднять камень и уронить его себе на ногу», Чжао Сянъянь понял сразу. Этот человек был хитрым, как лиса, и пока что лучше не проявлять инициативу.

— Кэ Янь, — дверь палаты открылась, и Цинь Пэйжун с улыбкой вошла, держа термос.

Было всего шесть утра, и Чжао Сянъянь не знал, где живёт Кэ Янь, удивляясь, во сколько она встала, чтобы всё это приготовить.

— Я боялась, что вы ещё спите. Как раз вовремя, ешьте, пока горячее, господин Чжан, присоединяйтесь, я приготовила много.

Термос открылся, и внутри оказалась та же каша с овощами, но гораздо лучше, чем в больнице. Овощи были мелко нарезаны, каша явно варилась долго, была мягкой и ароматной. Чжао Сянъянь, почувствовав запах, не смог сдержать слёз.

Он вспомнил Су Шаоюнь.

— Почему плачешь? — Цинь Пэйжун быстро достала салфетку и вытерла ему лицо. — Вспомнил что-то плохое?

Она с беспокойством посмотрела на Чжан Хэ, но тот тоже не знал, почему он вдруг заплакал, и не мог сказать, не вернулась ли к нему память.

— Нет, — Чжао Сянъянь тихо ответил, в душе ругая это тело за его чувствительность.

Он высморкался и начал накладывать кашу:

— Спасибо, а... Спасибо.

В присутствии Цинь Пэйжун он не мог назвать её ни тётёй, ни мамой.

В детстве, когда его бил брат, он плакал, обнимая Су Шаоюнь, и слёзы были наполовину искренними, наполовину притворными, даже его отец, Чжао Канчэн, жалел его. Потом, когда он вырос, вся семья его баловала, и он больше не плакал, не был человеком, склонным к слёзам.

Цинь Пэйжун, доставив еду, поспешила уйти на работу. Чжан Хэ спросил его:

— Почему ты плакал?

Чжао Сянъянь не забыл, что он пациент с амнезией, и не собирался так быстро раскрывать свои карты. Он поковырялся в каше и, скрывая печаль, ответил:

— Это от умиления, разве нельзя?

Чжан Хэ, слыша его бред, больше не стал спрашивать.

Период восстановления мог быть длинным или коротким, всё зависело от физического состояния и реабилитационных тренировок. Чжао Сянъянь зря беспокоился, ведь Чжан Хэ всё равно должен был работать. Даже во время его комы он не всегда был рядом. Через три дня после пробуждения Чжан Хэ нанял сиделку, чтобы ухаживать за ним, и сам почти не появлялся в больнице.

У него была своя компания, и за три дня в больнице накопилось много работы, которую он не успел сделать. Чжао Сянъянь, в свою очередь, был рад остаться в одиночестве.

Цинь Пэйжун каждый день без исключения приносила ему завтрак, всегда торопясь. Чжао Сянъянь не находил тем для разговора с этой незнакомой женщиной, кроме слов благодарности и молчания. Он знал, что она каждый раз хотела что-то сказать, но сдерживалась. Возможно, прошлое было слишком тяжёлым, а настоящее — слишком чужим.

В остальное время он был один, и через полмесяца сиделка ему почти не требовалась.

Режим дня и интенсивные тренировки позволили ему за две недели нарастить тонкий слой мышц. Одновременно он обнаружил, что на теле были шрамы разной глубины. Он не знал, что пережил Кэ Янь, но эти раны уже не болели, хотя выглядели пугающе.

Он должен был как можно скорее восстановить здоровье. Даже без развлечений он не скучал, не позволяя себе расслабляться, потому что, как только он останавливался, его охватывала огромная печаль. Некоторые вещи он не хотел думать, потому что боялся, что боль и тревога сломают его.

Через месяц.

Чжан Хэ вовремя забрал его из больницы. Чжао Сянъянь удивился, что тот больше не появлялся, и Чжан Хэ, увидев его, застыл на минуту.

Неудивительно, что Чжан Хэ был поражён.

Перед ним стоял Кэ Янь, с высоко поднятой головой, в обычном спортивном костюме, вероятно, по его собственному желанию. Волосы были коротко подстрижены, подчёркивая чёткие черты лица. Это было то же лицо, но в нём больше не было прежней робости, взгляд был твёрдым и глубоким, брови слегка приподняты. Он не отводил взгляда, когда Чжан Хэ смотрел на него, лишь слегка раздражался.

— Ты тоже потерял память?

В его голосе звучала некая дерзость, и в голове Чжан Хэ промелькнула мысль: а вдруг Кэ Янь и не терял память?

<http://bllate.org/book/16410/1486816>